

АВГУСТ

1. Рома

В небольшом городке, где не случается ничего страшнее пропажи конфет, где время от времени на деревьях застревают кошки, а хозяйки-старушки не могут их снять без чужой помощи, однажды происходит такое, от чего у местных жителей волосы встают дыбом.

Слухи ползут из уст в уста, и вот уже все знают, что случилось и кто виноват. Полиция даже не печатает фоторобот, потому что давно знакома с подозреваемым. Во-первых, двухметровых подростков в городе немного, а во-вторых, только один из них постоянно влипает в передряги. Только Лисов из раза в раз создает стражам закона трудности, и только его дерзкая кривоватая ухмылка — опущенный левый край губ и задраный правый — приходит на ум, стоит услышать о неприятностях.

Мама Ромы в недельной командировке. Полицейские проводят предварительную беседу в школе. Лисов сидит за партой, футболка изнанкой наружу. Ярлычок гордо топорщится на спине. Директор, Людмила Михайловна, беспокойно барабанит пальцами по столу, а новенькая учительница стоит в углу, не зная, куда деть руки.

— Мы зададим тебе пару вопросов, Рома, — начинает Федор, участковый, держа кружку с кофе. — Потом пойдем к тебе

домой и обыщем квартиру. Нам придется изъять твой телефон и ноутбук.

Лисов молчит, напряженно оглядывая взрослых. Предыдущие задержания были такой ерундой по сравнению с прогремевшей на весь город трагедией, что даже он понимает: любое неосторожное слово могут использовать против него.

— Мы также опросим свидетелей и подтвердим твоё алиби, если оно у тебя есть.

У кого искать поддержки, если твои родственники далеко, а сам ты всего лишь шестнадцатилетний подросток? Рома сжимает губы, шевелит челюстью и стискивает руками колени.

— Можешь молчать, пока не придут родные, но про алиби лучше сказать, — говорит Владислав. Он старше Федора и в два раза шире, а из-за круглого живота у него постоянная одышка. Он сидит за партой боком, едва втискиваясь в узкий проем.

Лисов ловит взгляд директора. Она единственная, кто девять лет терпел его выходки и ни разу не устраивал скандалов. Но ведь рисунки на стене школы и доведение до самоубийства — вещи из разных категорий ответственности.

— Скажи им, — сухо велит Людмила Михайловна.

Лисов сглатывает. Наверняка этот звук слышат все в кабинете. Новая учительница, принеся Федору кофе, внимательно рассматривает Рому. Он прикрывает глаза, считая в уме до тринадцати. Его колотит, спина напряженно вытягивается. Вот только он не сделал ничего плохого.

— Я работал.

Владислав протягивает ему блокнот и ручку.

— Напиши адрес места работы, ФИО начальника и его номер телефона.

Рома послушно записывает все, что знает. И без того корявый почерк походит на каракули из-за трясущихся рук. Комок воздуха застревает в горле. Стены кабинета сужаются, летняя

жара забирается за пазуху. Волосы прилипают к разгоряченными щекам.

Лисов отдает блокнот и ручку. Владислав берет телефон и выходит в коридор.

— Людмила Михайловна, в отсутствие его родственников только вы можете нам помочь, — говорит Федор. — Мы должны расследовать это происшествие как можно быстрее.

— Понимаю, — кивает директор. — Я пойду с вами.

— На повторную беседу придешь с матерью, — заключает Федор, поднимаясь из-за стола.

Рома тоже встает, пошатываясь. Новенькая учительница предлагает ему выпить воды. Он в три глотка осушает кружку, но легче не становится. На ватных ногах выходит из кабинета. Шаги за спиной гулко отдаются в просторных школьных коридорах.

Когда ты главный подозреваемый, лучше не болтать лишнего. Особенно если незадолго до суицида одноклассника ты видел его на улице и вы разговаривали.

Пропустив полицейских в квартиру, Рома заходит в гостиную и садится на диван. Людмила Михайловна качает головой.

— Ну и бардак у тебя, Лисов.

— У меня не было времени убраться.

— Хотя бы перед приездом матери уберись, — директор садится рядом. Кожа бледная, под глазами синяки.

Полосков покончил с собой накануне вечером, прыгнув с крыши высотного здания.

— Не смотри телевизор до сентября, — говорит Людмила Михайловна. — Там ничего хорошего не покажут.

— Это вы так, типа, обо мне заботитесь? — Рома скрещивает руки на груди. — Не надо меня жалеть.

— Послушай, я тебе не враг. И Федор с Владиславом тоже.

— Ага, как же. Только и ищут повод поставить меня на учет и потом за решетку засадить.

— Если хочешь, чтобы к тебе относились по-другому, начни с себя.

— Людочка, подойдите, пожалуйста, — зовет из комнаты Ромы Владислав.

Директор выразительно смотрит на Лисова и встает с дивана.

— Приходи поговорить, когда сбросишь колючки.

Она уходит, а Лисов, упершись локтями в колени, проводит руками по лицу и волосам. Он влип. По-настоящему, как муха в паутину. И кто знает, сможет ли он выбраться до того, как паук его сожрет?

Оставшись в квартире один, Рома выдыхает; скидывает обувь и прикрывает глаза, мучаясь вопросом: «*Полосков, какого черта?..*» В последний раз он говорил с Егором за пару часов до смерти. В последний раз тот не казался ему подавленным или уставшим от жизни. В последний раз...

Рома хлопывает себя по щекам, приводя в чувство. Размяв затекшие ноги, идет на кухню, нарезает неровные бутерброды и кипятит чайник, рассматривая стикеры, прилепленные к холодильнику. В этом месяце работать остается две недели, потом — школа... Его прошибает пот. Как на него будут смотреть люди? Что скажут? Как объяснить всем, что ты невиновен, если они уже решили за тебя?

Рома через силу ест бутерброды, запивая остывшим чаем. Руки зудят от безделья, голова полнится домыслами. Уборка — лучший способ на чем-то сосредоточиться. Лисов собирает разбросанные по квартире носки, трусы, пропотевшие майки и закидывает в корзину для белья. Снимает с себя футболку, нюхает подмышки — не пахнут. Переодевшись, расчесывает волосы и убирает мусор со столов в комнате и кухне. Каждый раз, стоит маме уехать в командировку, и порядок в квартире сменяется хаосом. Обычно мама заранее предупреждает его о возвращении, и Лисов вычищает квартиру до блеска, уделяя особое внимание раковинам и унитазу. Сегодня он импровизирует.

Едва Рома заканчивает уборку, как звонит домашний телефон. Он берет трубку и запыхавшись отвечает:

— Алё?

— Я еду домой.

Голос матери настолько серьезный, что Лисова пробивает дрожь. Он стискивает трубку.

— Почему?

— Мне позвонил Федор и объяснил, что произошло.

— Но ты же в командиров...

— Не думай об этом. Оставайся дома и постарайся не высываться, пока я не вернусь. Журналисты обязательно к тебе пристанут, потом от сплетен не отмоешься.

Рома молчит. Она права, больше ничего не остается. Он и так в эпицентре людского гнева.

— Ты за рулем?

— Не пытайся перевести тему. Да, я за рулем, но это не мешает мне с тобой разговаривать. Спасибо, что закинул в сумку наушник, я бы снова его забыла.

Лисов слабо улыбается. Мама всегда такая правильная: квартира чистая, посуда помытая, его одежда отутюженная (когда она дома). Она следит даже за его питанием и стрижками,

но о себе порой позаботиться забывает. И он никогда не отказывает себе в тайном удовольствии помочь, когда мама в очередной раз в спешке закидывает вещи в чемодан на колесиках.

— Я знаю, что ты сейчас переживаешь, и этот разговор должен был произойти гораздо раньше... Но лучше скажу сейчас, чем буду жалеть потом. — Мама вздыхает. — Можешь этого не признавать, но из-за случившегося решается твоя судьба. Я никогда не заставляла тебя учиться, потому что доверяю тебе и знаю, что ты обязательно найдешь свое призвание. И то, каким человеком ты станешь, зависит только от тебя. Я все время далеко, тебе самому приходится отвечать за собственную жизнь...

— Да ладно, я прив...

— Не перебивай, а то настрой потеряю! — шиканье. — На чем я остановилась?.. Прошое можно перечеркнуть лишь достойными поступками в настоящем, если хочешь, чтобы у тебя было будущее. Твое лучшее оружие против общественности сейчас — ты сам.

— Мам, то, о чем ты говоришь, нереально. — Рома ковыряет жидкие обои. К пальцам липнут золотистые блестки. — Я девять лет был раздолбаем.

— Значит, пора становиться человеком. Наверное, это моя вина, что рядом не было отца...

— Даже не думай об этом, — огрызается Лисов. — И не вспоминай про него. Он — прошлое, которое я не хочу исправлять. Пусть и дальше остается на свалке воспоминаний.

Мамин смешок поднимает ему настроение. Рома выводит на стене улыбку — обрывки обоев сыплются на пол. Здесь давно пора делать ремонт.

— Я сам виноват в том, как ко мне относятся, — говорит Лисов. — И я постараюсь исправить то, что натворил.

— Вот и хорошо. Перезвоню позже, подъезжаю к магистрали. Люблю тебя.

— Пока, мам. Я тоже тебя люблю.

2. Светлана

Трудно забыть чужой страх, пусть и промелькнувший в глазах всего на долю секунды.

Светлана едва вышла на работу, а уже столкнулась с неподобающим отношением к ученику.

Лисов не заслуживает такого отношения, и ей не терпится разобраться в ситуации.

— Михаил Сергеевич, расскажите, пожалуйста, о Лисове, — просит она завуча.

Высокий тощий мужчина с залысынами и узкими прямоугольными очками приподнимает голову, отрываясь от документов.

— А что о нем рассказывать? Хулиганье, учится плохо, никого не уважает, друзей нет. — Завуч поправляет очки, стирает тонкими пальцами пот со лба. — А почему вы проявляете к нему такой интерес?

— Хочу выяснить, правда ли он виноват в сложившейся ситуации.

— А, ну это дело благое, — кивая, Михаил Сергеевич суетно собирает вещи со стола. — Простите, но меня ждут дела. Поговорите о нем со школьным психологом. Вам уже провели экскурсию по школе?

— Еще нет.

— Как выйдете в коридор, поверните направо, там на стенах висят стрелки-указатели. Справитесь? — Он уходит, не дожидаясь ответа.

Постучав в дверь, Светлана заходит в кабинет. За столом сидит крупная женщина с кудрявыми закорючками высветленных волос и разгадывает кроссворды в смартфоне.

— Проходите-проходите, проблемы себя сами не решат, — говорит психолог, не поднимая головы.

Светлана садится на стул перед столом, читает на табличке: «Бобыль Мария Ивановна».

— Я бы хотела уточнить у вас информацию про одного ученика, — начинает она.

— Про Лисова, небось? Спрашивайте, не стесняйтесь. У нас о нем вся школа знает с тех пор, как он в первом классе налил клей на стул директора. — У Марии Ивановны большие светлые глаза, пухлые щеки и губы и тонкий нос. — Светлана, верно?

— Да. Рада знакомству. — Она протягивает руку, но психолог качает головой.

— Новенькие всегда спрашивают про Лисова. Жалуются, что не могут с ним совладать. Теперь еще и этот случай с бедным мальчиком.

— А можете рассказать о Лисове побольше?

— Вас интересует что-то конкретное?

— В каких отношениях он был с погибшим?

— Ну, Рома мальчик бойкий, задиристый. Учится плохо, за языком не следит. А Полосков, наоборот, учился хорошо, никаких проблем не создавал. Когда того выбрали старостой класса, Лисов начал сильнее его задирать. Подставлял на мероприятиях, провоцировал и доводил до драк. Лисов у нас любитель помахать кулаками. Думаете, справитесь с этим двухметровым хулиганом?

Помедлив, Светлана отвечает:

— Не бывает ситуаций, которые нельзя исправить.

— А я вот с вами не соглашусь. Полоскова с того света уже не вернешь. — Психолог кладет смартфон на стол, берет документ и протягивает его Светлане. — Знаете, я сегодня хотела зайти к Михаилу Сергеевичу, но у меня так болит спина, да и ноги отекли... Не могли бы вы передать ему мое заявление?

Светлана окидывает бумаги взглядом.

— Вы уходите в отпуск? — удивляется она. — Но... но сейчас же в школе ЧП! Как так?..

— Я работаю тут десять лет и много чего видела. — Психолог с усмешкой оглядывает Светлану. — Вы-то еще молодая, все впереди, а у меня свой ребенок на подходе. — Мария Ивановна бережно поглаживает выпуклый живот. Черты ее лица смягчаются. — К тому же я пыталась помочь Лисову многие годы, но вывод один, и довольно печальный. Есть такие люди, которые не поддаются дрессировке. Роман — проблемный подросток. Не могу сказать, что он опасен для общества, но большинство в школе его не жалуют.

Светлана молчит.

Да и что сказать в такой ситуации? Когда против одного человека вся школа, ее слабые попытки защитить его вряд ли встретят одобрение. Общество осудит, начальство тоже. Остается только одно. Светлана поеживается, понимая, что ее инициатива весьма нахальная.

— Позвольте дать вам совет, — говорит психолог. Светлана рассеянно кивает. — Не прикипайте к ученикам. Если позволите им влезть в ваше сердце, однажды они вырвут его и растопчут.

Едва она выходит из кабинета, как ее подхватывает под руку учительница химии и ведет по коридору.

— Светочка, милая, вам сейчас нельзя свободным временем раскидываться, — щебечет она. Тонкие жирные волосы она собирает в «кубышку», прилизывая так, что они намертво липнут к круглой голове. — Михаил Сергеевич просил вас подойти к нему, вы не слышали?

— Я говорила с психологом.

— Что ж, ваше счастье, что я проходила мимо. — Хохотнув, коллега шагает по лестнице. — Думаю, завуч хочет обсудить с вами что-то важное.

Светлана кивает и улыбается, изображая участие, а ее мысли вьются вокруг запуганного подростка, которого она разглядела в Роме. Если она сейчас ничего не предпримет, дело может закончиться очередным суицидом. Нет ничего ценнее человеческой жизни, и за нее нужно бороться даже тогда, когда «виновный» кажется плохим человеком. Конечно, если не доказано, что он действительно кого-нибудь убил или довел до самоубийства.

В девятом классе Светлана по уши влюбилась в хулигана и встречалась с ним тайком. Отношения закончились летом, когда он объявил, что уходит в колледж, а она осталась доучиваться в старших классах.

Он бросил в нее обидные слова: «У нас, это, разные социальные слои, Светка. Ты мне, типа, не интересна». Впав в депрессию из-за разбитого сердца, Светлана зарылась в учебники по психологии и педагогике.

Коллега запикивает ее в кабинет завуча:

— Михаил Сергеевич, Светочка вся ваша! — И исчезает за дверью.

— Присаживайтесь, — завуч вытирает платком пот на макушке.

Светлана кладет заявление Марии Ивановны в папку «На подпись».

Раздолбай

— Мне нужно обсудить с вами классное руководство. — Солнце жарит через открытые окна. — У вас будет десятый «Г». Секретарь составит приказ. Распишитесь в документе, и я дам вам список учеников.

Михаил Сергеевич подписывает документ и вручает Светлане.

— Классное руководство?

— Это ваш шанс проявить себя. — Он снова вытирает лысеющую макушку. — Вы молодой специалист. В вас еще полно энтузиазма. Может, придумаете что-то хорошее, до чего мы за двадцать лет работы в школе не додумались.

Светлана просматривает документ, ища подвох, но решает не отказываться от возможности. Она уже давно мечтала стать настоящим учителем, а для этого нужно работать не покладая рук. А больше всего ее радует и волнует, что в списке учеников Рома Лисов.

3. Демьян

Когда полицейские уходят, Демьян заваливается на кровать. Егора больше нет, а все, что он может, это раз за разом прокручивать в голове их дружбу, как киноленту. Если бы он заметил хоть одну маленькую деталь, если бы мог предотвратить гибель Егора, он бы не задумываясь отдал все, что у него есть. Сейчас он может лишь теребить серебряный крестик, сдерживать слезы, чтобы не разрыдаться перед родителями, и бесконечно задаваться вопросом: «Почему?».

Демьян загибает пальцы:

- 1) *Егора любили родители.*
- 2) *У него всегда были брендовые вещи. Взять, к примеру, последнюю модель Apple Watch, подаренных отцом на шестнадцатилетие.*
- 3) *Его не гнобили в школе (если не считать Лисова).*
- 4) *У него был лучший друг.*
- 5) *Он никогда не выглядел расстроенным.*

Так почему же?..

Отказавшись от ужина, Демьян притворяется спящим. Когда родители засыпают, он выбирается наружу через окно. Их частный деревянный дом — один из немногих уцелевших посреди города. Набирая сообщение, Храмов идет к дому Самары.

Слова о смерти Егора вертятся на языке, но не говорить же об этом с родителями или полицейскими? Стоит Демьяну расчувствоваться перед последними, как те что-нибудь заподозрят. Самара Ремíзова — вот кто его поймет.